с этим оно выполняет функцию подлежащего, сохраняя, однако, традиционную форму косвенного, а именно, родительного падежа...» (стр. 397). Тем более, что далее говорится о подобных конструкциях «числительное + существительное» как о неделимом сочетании (стр. 400—401).

Вызывает также возражение и отнесение деепричастных оборотов к эквивалентам предложений. Тот факт, что деепричастные обороты выражают те же значения, что и придаточные предложения, которыми они могут быть заменены, не оправдывает их понимания как грамматических эквивалентов последних. При лингвистическом анализе нельзя не учитывать формальных способов выражения тех или иных значений, не следует при изучении грамматических отношений всецело опираться на рассмотренные логических и смысловых связей.

Заканчивая разбор «Исторической грамматики польского языка», считаем необходимым сделать несколько общих замечаний. Приводимые в каждом разделе факты диалектов, всегда очень интересные и точные, иногда органически мало связаны с изложением основного материала и воспринимаются как самостоятельные фрагменты. Следовало бы больше сопоставлять результаты наблюдений над материалами древнепольских памятников и других источников истории языка с данными говоров, поскольку последние часто представляют факты общепольского языка, нередко уже исчезнувшие в современном литературном языке, но наблюдаемые в древнейший и средневековый периоды его истории.

В книге в общем мало внимания уделяется сравнению излагаемых языковых фактов со сходными явлениями в других славянских языках (исключение представляет старославянский язык). Чтобы не увеличивать объема и так большой книги, можно было бы прибегать к сравнению с современными славянскими языками лишь в наиболее показательных случаях (как это, например, сделано в очерке о словообразовании — стр. 202, § 21, п. 11; стр. 203, § 23, п. п. 1, 2).

Все изложение ведется как описание отдельных исторических явлений, рассматриваемых в традиционном плане. Однако изучение исторического материала можно было бы вести, сопровождая его характеристикой отдельных, наиболее важных периодов истории польского языка, подводя определенные хронологические итоги каждого этапа, совмещая такого рода обобщения с характеристикой отдельных явлений. При таком методе изложения книга по истории языка стала бы, несомненно, более ценной. Нельзя не отнестись с похвалой к хорошо составленному и достаточно обширному (стр. 513—596) указателю к книге (составитель М. Карась).

В целом книга заслуживает большого внимания как весоменный вклад в изучение истории польского языка и как в общем успешное методическое решение проблемы создания специального университетского научного пособия. Она представляет глубокий интерес не только для полонистов, но и для значительно более широкого круга специалистов, занимающихся общими и частными вопросами истории славянских языков.

А. С. Посьянская

Pochodzenie polskiego języka literackiego. («Studia staropolskie». Pod red. K. Buczyka. T. III). — Wrocław, Wyd-wo PAN, 1956. 472 стр. (Inst. badań literackich PAN).

Дискуссия о происхождении польского литературного языка, возникшая среди польских языковедов более сорока лет назад и разделившая их на два лагеря — сторонников великопольской и сторонников малопольской диалектной основы литературного языка¹, в послевоенные годы приобрела небывалую актуальность. Особое значение ей придает та большая работа по изучению истории польского языка и исследованию его диалектов, которая развернулась в Польше по окончании второй мировой войны. Вопрос о началах польского литературного языка, особенно важный для полонистов и славистов ввиду относительно слабой разработанности проблемы

¹ Начало дискуссии обычно связывают с работами К. Н и т ш а «Próba ugrupowania gwar polskiej» («Rozprawy Akad. um. [PAU]. Wydz. filologiczny, Ser. III, t. I, ogólnego zbioru t. XLVI, Krakowie, 1910) и «Pochodzenie polskiego języka literackiego» («Język polski», I, 1913), в которых нашла свое отражение концепция великопольского происхождения польского литературного языка, и А. Брюкнера «Przyczynki do dziejów języka polskiego», Ser. II («Rozprawy Akad. um. [PAU]. Wydz. filologiczny, Ser. III, t. IV, ogólnego zbioru t. XLIX, 1911), а также «Powstanie i rozwój języka literackiego» (в кн. «Język polski i jego historia [„Encyklopedia polska“, t. II, dz. III (cz. I)», Warszawa—Kraków, 1915), в которых изложена противоположная, малопольская концепция.

формирования литературных языков вообще, не лишен известного интереса и для более широких лингвистических кругов. Все это делает весьма своевременным опубликование Институтом литературных исследований Польской Академии наук сборника «Происхождение польского литературного языка», знакомящего с нынешним состоянием дискуссии.

В сборнике выступают преимущественно языковеды. Две статьи принадлежат перу представителей других общественных наук — А. Гейштора (историка) и М. Р. Майеновой (литературоведа). В своем большинстве рассматриваемые работы относятся к 1951—1956 гг. Исключения составляют упомянутая статья К. Нитша «Происхождение польского литературного языка» (дополненная в 1956 г.) и статья Т. Лера-Сплавинского «Проблема происхождения польского литературного языка» («Problem pochodzenia polskiego języka literackiego»)¹, которые интересны не только как отражение в основном и по настоящее время не изменившихся взглядов их авторов², но и — едва ли не больше — в качестве освещающих исходные позиции сторонников великопольской концепции, которая именно в этих работах впервые нашла свое обоснование.

Статья К. Н и т ш а, крупнейшего польского диалектолога, написанная на основании всей совокупности известных в период ее написания фактов, не могла не оказать большого влияния на развитие полемики. Влияние это продолжает и теперь в значительной мере сказываться в работах представителей обоих лагерей, которые лишь постепенно выходят за круг намеченных в статье К. Нитша проблем. Опираясь на положение: «во всем мире основой литературного языка становится диалект той провинции, которая первой поднимается на высшую ступень и становится центром формирующегося государства и народа»³, — К. Нитш основой польского литературного языка считает великопольское наречие, поскольку первоначальным центром Польши была именно Великопольша. Автор при этом, по-видимому, недооценивает возможность существенных изменений и перегруппировки говоров, вызванных их взаимодействием и взаимовлиянием. Пожалуй, наиболее яркий пример в этом отношении представляет собой говор Москвы (кстати, приводимый К. Нитшем в обоснование своего тезиса), который, издавна являясь основой русского литературного языка, сам подвергся под влиянием южнорусского наречия значительному изменению, став из севернорусского среднерусским⁴. Подобная трансформация тем более допустима по отношению к великопольскому наречию, перенесенному, согласно К. Нитшу, со своей исконной территории в Краков, в область малопольского наречия, и здесь ставшему основой польского литературного языка.

Не менее априорным является положение К. Нитша о «культурном диалекте» как устной форме литературного языка, якобы сложившейся в дописанный период в Великопольше, при королевском дворе и в среде высшего духовенства, и перенесенной затем в Краков. Таким образом, «культурный диалект» в понимании К. Нитша оказывается лишенным широкой народной основы и территориальной отнесенности, что мешает строгой локализации и хронологии обсуждаемых особенностей литературного языка и остается, вероятно, одним из наиболее серьезных препятствий при решении вопроса о происхождении польского литературного языка. В статье К. Нитша это особенно сказывается в вопросе о носовых и сочетании *-eu-*. Представляется сомнительной возможность определения роли каких-либо языковых особенностей без предварительного выяснения их значения в системе языка, что возможно только при всестороннем анализе. В связи с вышеизложенным преждевременным представляется вывод об исключительности экспансии великопольского наречия на малопольское.

Т. Л е р - С п л а в и н с к и й в своей статье развивает положения, уже изложенные у К. Нитша. Выдвинутое им справедливое требование анализа грамматической структуры для выяснения диалектной основы польского литературного языка, к сожалению, в данной статье не реализуется. К аргументам К. Нитша автор добавляет другие доказательства великопольского происхождения литературного языка (великопольское *chw-* вместо малопольского *f-* и особенность носового резонанса гласных). В своей статье Т. Лер-Сплавинский находит возможным отнести начало мазуренья (произношение *s, c, z, dz* вместо *sz, cz, ź, dź*) к допольскому периоду, что весьма сомнительно⁵. Скорее о спонтанном развитии в говорах Малопольши общепольских $\bar{q}$,

¹ «Przegląd Współczesny», V, 1926.

² См. стр. 16 и 338 рецензируемого сборника. Ср. также рецензию Т. Лера-Сплавинского на этот сборник (Т. L e h r - S p l a w i n s k i, Jeszcze o pochodzeniu polskiego języka literackiego, «Język polski», roczn. XXXVII, № 1, 1957).

³ См. стр. 7 рассматриваемой книги.

⁴ Есть и другие объяснение природы московского говора, как и всего среднерусского наречия вообще, принадлежащее Р. И. Аванесову (см. Р. И. А в а н е с о в, История средневеликорусских говоров, «Докл. и сообщ. Филол. фак-та МГУ», вып. 1, 1946).

⁵ Ср., например, Z. S t i e b e r, Rozwój fonologiczny języka polskiego, Warszawa, 1952, стр. 70—71.

о, ѓ, љ, чем о великопольском влиянии, принимаемом Т. Лером-Сплавинским вслед за К. Нитшем, свидетельствует наличие в центральной Малопольше говоров с о, е вместо о, ѓ, љ литературного языка. Объяснение К. Нитша¹ связано, напротив, со значительными трудностями, так как предполагает отсутствие в Великопольше «разложного» произношения досовых типа *domp* (*dąb*), *rzont* (*rząd*), *prent* (*pręłt*) и т. п. ко времени возможного влияния, что далеко не бесспорно. Более вероятным является предположение великопольского влияния для части малопольских говоров в отношении характера носового резонанса, однако существование носового резонанса, идентичного великопольскому в наиболее южных малопольских говорах (Подгале, Спих, Орава), ставит под сомнение возможность воздействия со стороны Великопольши и там, где контакты не были исключены.

Противоположная концепция малопольской, точнее центрально-малопольской, основы литературного языка представлена в статье В. Ташицкого «Генезис польского литературного языка в свете фактов истории языка» («Geneza polskiego języka literackiego w świetle faktów historycznojęzycznych») и статье Т. Милевского «Новые работы о происхождении польского литературного языка» («Nowe prace o pochodzeniu polskiego języka literackiego»).

Концепция В. Ташицкого, сильная своей критической направленностью, в известной степени восполняющей недостатки гипотезы К. Нитша, не лишена, однако, некоторой односторонности. Положение о возникновении литературного языка в XVI в., противопоставляемое им теории великопольского «культурного диалекта» X—XI вв., ограничивает автора в использовании даже своих преимуществ (ср. аргумент о рано утвердившихся в литературном языке формах типа *ra-*, *ja-*, *bać się*, общих для него с малопольским наречием). Помимо преувеличения роли диалектизмов и недооценки действия нормы до XVI в., к числу недостатков у В. Ташицкого следует отнести положение об исключительно малопольском характере диалектной основы литературного языка. Тех четырех малопольских признаков литературного языка XVI в. (повсеместное употребление элемента *-ow-*: *kowalowi*, *ogniowi*; параллелизм *mię*, *cię*, *się* и *mie*, *cie*, *się* с предлогами и при глаголах; окончание *-och-*: *w krajoch*; глагольные формы типа *mówiłech*), из которых только первый вошел в современный литературный язык, а остальные были весьма непрочными, явно недостаточно для обоснования точки зрения автора. Неприемлема во всех отношениях и оценка появления мазуренья и перехода *-ch* > *-k* на малопольской территории (датируемых В. Ташицким XV—XVI вв.) как признаков отрыва литературного языка от своей диалектной основы.

Справедливо усматривая в сбивчивости определения понятия литературного языка и употребления термина «культурный диалект», широко бытующего в среде польских лингвистов, одну из серьезных причин неудач дискуссии, Т. М и л е в с к и й пытается в своей статье дать более точное определение этих понятий. Однако он только усложняет проблему, определяя «культурный диалект» то как локальный письменный язык, то как особый кастовый «жаргон» (обслуживающий потребности духовенства, который автор тем не менее находит возможным считать основой литературного языка. Критерий для определения понятия литературного языка у Т. Милевского слишком субъективен (см. стр. 63—64), а для XVI в., к которому относит автор его появление, помимо прочего, анхроничен. Весьма неопределенным у Т. Милевского является также понятие образца (для «культурного диалекта»), противопоставляемое им понятию нормы (для литературного языка).

С. У р б а н ч и к, сторонник гипотезы «культурного диалекта» в традиционном понимании, в статье «По поводу дискуссии о происхождении польского литературного языка» («Głos w dyskusji o pochodzeniu polskiego języka literackiego») подвергает критике неточность терминологии Т. Милевского, как и отрицательные моменты в работах представителей малопольской концепции вообще (недостаточный учет данных современной диалектологии, преувеличение роли диалектизмов в XIII—XV вв.). Важной является мысль автора о необходимости подразделения памятников старопольской письменности, в зависимости от степени соблюдения норм, на три класса: 1) высший — религиозная литература, предназначенная для библиотек богатей; 2) средний — проповеди, молитвы, переводы уставов, писанные с практической целью; 3) низший — судебные записи.

Наиболее перспективной представляется позиция З. Ш т и б е р а, отраженная в его статье «По поводу дискуссии о происхождении польского литературного языка» («Głos w dyskusji o pochodzeniu polskiego języka literackiego»). В отличие от большинства других участников дискуссии, З. Штибер выступает сторонником смешанного великопольско-малопольского происхождения диалектной основы литературного языка, которую он, впрочем, пока не уточняет ни в отношении территории, ни в отношении времени ее возникновения. Признавая важность влияния чешского литературного языка, на которое нередко ссылаются представители обеих полемизирующих групп-

¹ Cp. K. N i t s c h, Z historii narzecza małopolskiego, «Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski», vol. II, Cracoviae, 1928, стр. 454—456.

ровок, он в то же время не склонен его преувеличивать. Основное значение З. Штибер придает одному из двух особенно интенсивно взаимодействовавших до XVII в. наречий — великопольскому или малопольскому.

Сторонник великопольской теории С. Р о с п о н д в статье «Проблема генезиса польского литературного языка. Полемические замечания к статьям Т. Милевского и В. Ташицкого» («Problem genezy polskiego języka literackiego. Uwagi polemiczne do artykułów T. Milewskiego i W. Taszyckiego») излагает в отношении генезиса литературного языка ряд интересных соображений, большая часть которых основана на материале новых исследований автора. Так, самого пристального внимания заслуживают наблюдения С. Роспонда, свидетельствующие о значительном единстве графики и орфографии при передаче польских слов и названий в различных польских канцеляриях XII—XIII вв. Автор прослеживает здесь непрерывную линию традиции, которая находит свое дальнейшее развитие в польской письменности XIV—XV и XVI вв. Весьма интересны также лексические наблюдения С. Роспонда, которые в ряде случаев приводят к мысли не столько о великопольской основе, сколько о позднейшем великопольском влиянии. Однако собственно великопольскую лексику, проникшую в литературный язык XVI в., автор не особенно четко отделяет от севернопольской (в том числе мазовской); в связи с этим он не оценивает силу воздействия великопольского наречия на литературный язык в XVI в. Местом зарождения польского языка С. Роспонд считает не всю Великопольшу, а только ее центральную часть вместе с территориями, прилегающими к ней с юга и востока (т. е. наиболее близкими к Малопольше).

Не отказываясь от мысли связать начало формирования литературного языка с устной нормой носителей великопольского наречия — представителей господствующего класса, З. К л е м е н с е в и ч, однако, не склонен считать ее основой литературного языка. В своей работе «О разновидности современного польского языка» («O różnych odmianach współczesnej polszczyzny») он развивает мысль, скорее приближающуюся к точке зрения З. Штибера: «... общий язык (т. е. «литературный язык», согласно терминологии З. Клеменевича. — О. Т.) мог формироваться только в качестве смеси элементов разных диалектов, именно, прежде всего, великопольских и малопольских...» (стр. 220). Важно, что к своей позиции исследователь пришел иным путем. Большое значение З. Клеменевич придает историческим данным, в частности первым свидетельствам применения польского языка в письменности, проповедей и при обучении. Не избегнув в своей работе отдельных неудач, что, прежде всего, относится к попыткам упорядочения терминологии разновидностей современного польского языка, автор в целом убедительно воссоздал в ней общую картину формирования литературного языка. Теоретически ценными моментами работы, помимо мысли о смешанной основе, является признание первенства письменного языка в формировании литературной нормы, а также схема периодизации истории польского литературного языка до XVII в. Из числа отдельных ошибочных положений наибольшее возражение вызывает принимаемая автором возможность первоначального развития литературного языка в виде языка классового (стр. 216).

В. К у р а ш к е в и ч напечатал в сборнике большую работу «Происхождение польского литературного языка в свете данных исторической диалектологии» («Pochodzenie polskiego języka literackiego w świetle wyników dialektologii historycznej»), которая, как и вообще труды этого ученого, отличается богатством новых фактов. Но несмотря на удачно объяснение ряда частных вопросов, статья В. Курашкевича дает все же сравнительно мало для решения основной проблемы; в сущности, автор лишь пересматривает прежние аргументы великопольского лагеря. Отвергая положение о «культурном диалекте» в понимании К. Нитша, В. Курашкевич считает основой польского литературного языка говор города Кракова, подвергшийся, по мнению автора, чрезвычайно сильному великопольскому влиянию. Заметное преувеличение роли великопольских говоров в формировании литературного языка (автор не принимает во внимание диалектизм типа *Domk, krostawc, redto* и т. п., не вошедших в литературный язык) вместе с недооценкой роли малопольских (например, в вопросе о носовых) лишает это мнение достаточной убедительности.

Соображения по дискутируемому вопросу в свете новых данных, почерпнутых главным образом из рассматриваемой работы В. Курашкевича, изложены Т. Л е р о м - С л а в и н с к и м в статье «Из размышлений о происхождении польского литературного языка» («Z rozważań o pochodzeniu polskiego języka literackiego»), которая относится к 1954 г. Особый интерес представляет часть, посвященная критическому рассмотрению основных теорий происхождения мазуреня — одного из узловых вопросов дискуссии. Не принимая высказанных в последнее время взглядов Г. Конечной, Е. Куриловича и С. Роспонда по этому вопросу, автор предлагает свою гипотезу кельтского субстрата как причины мазуреня, которую едва ли можно признать более убедительной. В основном поддерживая В. Курашкевича, Т. Лер-Славинский тем не менее по-прежнему остается сторонником «культурного диалекта» как устной великопольской нормы, ставшей основой литературного языка.

Языковедческие работы сборника включает совместная статья В. Ташицкого и Т. Милевского «Польский литературный язык возник в Малопольше. К дискуссии о происхождении литературного польского языка» («Polski język literacki powstał w Małopolsce. Cios w dyskusji nad pochodzeniem literackiej polszczyzny»). Обосновывая в общем убедительно возможность независимого развития носовых в малопольских говорах в том же направлении, что и в великопольских, В. Ташицкий не в состоянии опровергнуть аргументов своих противников (К. Нитша, С. Роспонда), доказывающих раннее появление мазуренья. Если обоим авторам удастся отстоять право центрально-малопольского наречия в известной мере считаться основой литературного языка, то их усилия аргументировать его исключительность в этой роли не достигают цели. Определение Т. Милевским XVI—XVII веков как периода «старопольского литературного языка», до появления которого им признается только существование «культурных диалектов», представляется убедительным.

Статья историка А. Гейштора «Замечания о формировании польской народности в раннем средневековье на польских землях» («Uwagi o kształtowaniu się narodowości polskiej we wczesniejszym średniowieczu na ziemiach polskich») интересна попыткой связать возникновение польского литературного языка с процессом складывания польской народности. Автор стремится показать роль широких народных масс в формировании польского литературного языка. Однако определение его основы как великопольской, выдвигаемое А. Гейштором, из приводимых им исторических предпосылок с необходимостью не вытекает.

В заключающей сборник статье М. Р. Майеновой «Проблемы и позиции в дискуссии о происхождении польского литературного языка» («Problemy i stanowiska w dyskusji o pochodzeniu polskiego języka literackiego») отмечаются известные сдвиги в уточнении методологии и накопления новых фактов, которые приближают к выяснению основного вопроса дискуссии, и вместе с тем констатируется неразрешенность проблемы в целом. С этим общим выводом нельзя не согласиться.

Завершая дискуссии задерживается как по причине недостаточной изученности отдельных особенностей польских диалектов, главным образом великопольского и малопольского, в их взаимосвязи с историей польского литературного языка, так еще более вследствие несогласованности в таких принципиально важных вопросах, как вопрос о времени возникновения польского литературного языка, о его первоначальной форме — письменной или устной, о характере общественной среды, в которой он возник, и т. п. Нерешенность вопросов подобного рода мешает уяснению и тех весьма многочисленных частных фактов, которые уже стали достоянием польской лингвистической науки и при более четком их истолковании могли бы в значительно большей степени способствовать решению всей проблемы. Сложность проблем дискуссии не подлежит сомнению и делает ее временную незавершенность вполне понятной, даже если учесть, что Польша располагает превосходными лингвистическими силами.

При всем том последний период лингвистической полемики, посвященный проблеме происхождения польского литературного языка, был отнюдь не бесплоден. Помимо привлечения ряда новых ценных наблюдений и фактов, что в рассматриваемом сборнике главным образом отличает работы В. Курашкевича и С. Роспонда, последний этап был отмечен и расширением круга воззрений. С особой силой это выразилось в появлении новой концепции смешанного великопольско-малопольского характера диалектной основы польского литературного языка. Есть основания полагать, что новая концепция, представленная З. Штибером и отчасти З. Клеменсевичем, более других приближается к истине.

Кроме указания З. Штибера на то, что литературному языку свойственны как великопольские, так и малопольские диалектные элементы, в пользу новой концепции говорят как будто следующие доводы: 1) неоднородность великопольского и малопольского наречий, заставляющая представителей как великопольской (С. Роспонд), так и малопольской концепции (В. Ташицкий, Т. Милевский) считать только часть говоров соответствующих наречий основой литературного языка; 2) существование в центре Польши языковой области, занимающей «территорию вокруг Серадза, между Петровком, Ченстоховом, Велюнем, Калишем, Коло и Лэнчицей»¹, диалект которой Т. Лера-Сплавинский называет центральным. Этот диалект, максимально выравненный и являющийся переходным между великопольским, малопольским и мазовецким наречиями², Т. Лера-Сплавинский объясняет как результат взаимодействия трех указанных наречий; по-видимому, наиболее длительным следует считать взаимовлияние великопольско-малопольское.

¹ Т. Лера-Сплавинский, Польский язык, М., 1954, стр. 50.

² Упоминания об указанном диалекте находим, помимо Т. Лера-Сплавинского, и у других польских языковедов, в частности К. Нитша, С. Шобера, С. Урбанчика. Ср.: K. N i t s c h, Wybór pism polonistycznych, t. I, Wrocław, 1954, стр. 217—218; S. S z o b e r, Gramatyka języka polskiego, cz. I, Warszawa, 1931, стр. 154; S. U r b a n i c z y k, Zarys dialektologii polskiej, Warszawa, 1953, стр. 70.

Поскольку отмеченная неоднородность великопольского и малопольского наречий также могла объясняться сближением части их говоров на смежных территориях, а упомянутое центральнопольское наречие лежит именно между теми великопольскими и малопольскими говорами, в которых усматривают основу литературного языка¹, представляется возможным объединить эти диалектно сближенные районы в единую языковую область и именно в ней видеть территорию смешанного диалекта, основы польского литературного языка. Видимо, именно здесь, в тех частях Великопольши и Малопольши, между которыми издавна установились многообразные тесные экономические, политические и культурные связи, сложилась та новая, общая для них диалектная с и с т е м а, которая естественно должна была включать элементы как того, так и другого наречия и ввиду главенствующей роли этих районов (Гнезно, Познань, Краков) стать основой польского литературного языка.

При принятии подобного допущения задача дальнейшего исследования вопроса в значительной степени заключалась бы в определении границ и времени возникновения названной территории, а также особенностей ее формирования, что возможно лишь при условии максимально точной локализации (и хронологии) особенностей литературного языка. Вопрос о том, какое из двух наречий легло в основу говоров указанной территории, должен в таком случае приобрести лишь второстепенное значение как не имеющий непосредственной связи с вопросом о диалектной основе польского литературного языка.

Ю. Б. Ткаченко

Herbert Bräuer. Untersuchungen zum Konjunktiv im Altkirchenslavischen und im Altrussischen. Tl. I. Die Final- und abhängigen Heischesätze («Veröff. der Abt. für slav. Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slav. Seminar an der Freien Univ. Berlin», Bd. 11). — Wiesbaden, 1957. 262 стр.

Опубликованная часть работы Г. Брейера «Исследования в области конъюнктива в старославянском и древнерусском языках» посвящена весьма мало изученному вопросу о способах выражения модальных отношений желательности в придаточных предложениях. Автор рассматривает употребление глагольных форм в составе придаточных предложений цели и в так называемых зависимых предложениях требования (Heischesätze), т. е. в таких дополнительных предложениях, которые зависят от глаголов требования, желания, просьбы, приказа. При этом в исследовании выделяются случаи использования изъявительного и сослагательного наклонений, глаголов совершенного и несовершенного видов, определяются вводящие придаточные предложения союзы и их взаимоотношения с теми или иными формами глагола. Попутно автор останавливается и на синонимических в отношении придаточных предложений цели и требования инфинитивных конструкциях.

В первой части работы (§§ 3—33) Г. Брейер анализирует старославянский материал. Особое внимание уделяется данным евангельских текстов (в основе — Маринский кодекс; учитываются различия и других рукописей) и Супрасльской рукописи, из которых автор приводит исчерпывающее количество примеров на употребление тех или иных конструкций. Автор приходит к следующим выводам:

1. В придаточных предложениях цели и требования старославянским глаголом совершенного вида обычно передается греческий конъюнктив аориста, глаголом несовершенного вида — греческий конъюнктив настоящего времени. Однако встречаются и отклонения. Автор предполагает, что в случае использования настоящего времени бесприставочных глаголов несовершенного вида (видѣти, ити, ести и т. п.) в соответствии с греческим конъюнктивом аориста формами настоящего времени выражается значение будущего времени, так как действие придаточного цели и требования с точки зрения субъекта главного предложения всегда относится к будущему.

2. В качестве союза, вводящего придаточные предложения цели и требования, выступает обычно союз *да*. Придаточными предложениями с этим союзом переводятся не только греческие предложения с *ἵνα*, но и греческие инфинитивные конструкции.

3. Формы условного наклонения в придаточных предложениях цели и требования встречаются весьма редко (в евангельских текстах 1 : 16 случаев). Автор, полемизируя с Ст. Слоньским и А. Мейе, вполне обоснованно утверждает, что употребление форм условного наклонения в подобных случаях приводит к усилению оттенка желательности

¹ Ср. стр. 175 рецензируемой книги, где С. Ростопд определяет область зародышевого польского *końcu* как «центральный диалект (Великополье). — О. Т.) с прилегающими с востока и юга (т. е. со стороны Малопольши. — О. Т.) территориями», и стр. 44, где В. Ташицкий основой польского литературного языка считает центрально-малопольский диалект, граничащий с юга с центральным диалектом в понимании Т. Лера-Славинского.